

В. И. ВЕРНАДСКИЙ И В. А. ОБРУЧЕВ – ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ 150 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ ГЕОЛОГИИ. Ч. II. СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ, АКАДЕМИКИ, ЛАУРЕАТЫ

В. Ф. Свиньин

В этой части статьи прослеживаются факты, освещающие жизнь и научную деятельность российских ученых-геологов В. И. Вернадского и В. А. Обручева в советский период. Их биографии тесно связаны с событиями в политической истории СССР 1920–1940-х гг. По ходу этих событий ученым часто приходилось делать выбор относительно своих действий в той или иной ситуации. Талант, научные заслуги и даже академический статус не всегда обеспечивали одобрение со стороны властей. Имеются многочисленные примеры трагических исходов в судьбе крупных ученых. Необходимо было находить правильную линию в отношениях с властью, при этом, желательно, не изменяя своим моральным и профессиональным принципам. Показано, что стратегии выстраивания такой линии у В. И. Вернадского и В. А. Обручева были совершенно различны, что соответствовало различию как в их личностных качествах (характере, темпераменте), так и в повседневной среде общения. Обе стратегии оказались в конечном итоге выигрышными, поскольку не только сохранили ученым жизнь, но и обеспечили в конце этой жизни почет и уважение со стороны и властей, и общества.

Ключевые слова: Владимир Иванович Вернадский, Владимир Афанасьевич Обручев, геохимия, биосфера, Московская горная академия, Академия наук СССР, репрессированные геологи.

V. I. VERNADSKY AND V. A. OBRUCHEV: TWO PERSONS IN THE 150-YEAR HISTORY OF THE RUSSIAN GEOLOGY. Pt II. SOVIET CITIZENS, ACADEMICIANS, LAUREATES

V. F. Svinin

The second part of the article covers personal lives and professional activity of geological scientists V. I. Vernadsky and V. A. Obruchev during the Soviet times. Their biographies were closely connected with the USSR political history of 1920–1940. The historical developments forced the scientists to choose carefully their ways of behavior. Talent, outstanding scientific merits, and even membership in the Academy not always guaranteed the officials' approval. There are numerous evidences of fatal tragedies in lives of outstanding scientists. It was essential to find a balance between good relationships with the authorities and personal moral and professional principles. The article highlights rather different strategy balances of V. I. Vernadsky and V. A. Obruchev due to differences in their characters as well as communication environments. Eventually both strategies turned out to be winning, as the scientists not only saved their lives, but also attained honor and respect of both authorities and public towards the end of their lives.

Keywords: Vladimir Ivanovich Vernadsky, Vladimir Afanasievich Obruchev, geochemistry, biosphere, Moscow Mining Academy, the USSR Academy of Sciences, repressed geologists.

1921–1929

Девятого марта 1921 г. санитарный поезд Симферополь – Москва добрался до места назначения. «Крымские изгнанники» подъезжали к новой (для них) столице государства со смешанным чувством тревоги и надежды. Столичные новости только усилили эти ощущения. Гражданская война как противостояние «красных» и «белых» была закончена, но советская власть все еще проходила серьезные испытания на прочность: именно на эти дни приходился пик Кронштадтского мятежа и Тамбовского восстания («антоновщины»). Подозрительность и непредсказуемость действий новой власти по отношению к «бывшим» была очевидной на многих реальных примерах и многократно увеличенной слухами.

Впрочем, ни Обручева, ни Вернадского, ни приехавших вместе с ними домочадцев это не кос-

нулось. Более того, оказалось, что в их профессиональных сферах ситуациях не так уж плохо. Кстати, формально оба ученых вернулись из командировок, Обручев о своей даже написал отчет с приложением карты месторождений окрестностей некоего села Благодатное на Украине, который, правда, никому не понадобился. Главное же, оказалось, что и Академия наук, и геологическая служба в стране живы (хотя последняя сильно реорганизована) и требуют от вновь прибывших сотрудников немедленного включения в активную работу. Именно это вселяло надежды.

Академию наук в практически прежнем (лета 1917 г.) статусе удалось сохранить благодаря усилиям лучшего друга Вернадского С. Ф. Ольденбурга, оставшегося непременным секретарем Академии, и самого успешного ученика Владимира Ивановича – Александра Ферсмана, ставшего академиком в 1919 г. минув стадию члена-корреспондента. Для этого Ольденбургу пришлось

дважды (в 1918 и 1921 гг.) получить аудиенцию у В. И. Ленина (не обошлось, конечно, без упоминания о близком знакомстве в студенческие годы со старшим братом вождя). Во время первого визита Сергей Федорович и Владимир Ильич договорились о следующем: Академия наук финансируется государством и действует в соответствии с уставом 1917 г. в прежнем составе¹ и по своим планам работ. Академики не участвуют в политике, а в случае необходимости привлекаются для решения государственных задач. Вторая встреча потребовалась в связи с крайне бедственным бытовым положением научного сословия (в частности, в мае 1919 г. в Петрограде от истощения умер великий кристаллограф Е. С. Федоров) и привела к созданию КУБУ – Комиссии по улучшению быта ученых² – члены и многие сотрудники Академии стали получать продуктовые пайки, позволившие как-то жить и продолжать работать. Ферсман же с первых советских месяцев начал взаимодействовать с властными структурами в плане практического формирования базы минеральных ресурсов для нарождающейся экономики.

Для реализации этих планов требовались кадры геологоразведчиков. Вузов не хватало, это стало одной из причин создания в Москве Горной академии (МГА), где и было предложено трудиться В. А. Обручеву. Одним из главных инициаторов создания выступил ученик Вернадского Н. М. Федоровский, тот самый, что выправил Владимиру Афанасьевичу командировку в Донбасс, а по совместительству – член ВЦИК, имеющий непосредственный доступ к Ленину. Полномочия Горного отдела Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) были гораздо выше, чем продолжавшего существовать Геолкома в Петрограде, у которого к тому же появилось Московское отделение, претендующее на большую самостоятельность (в числе руководителей – сын Обручева, Сергей).

Таким образом, Обручев сразу же приступил к выполнению новых обязанностей, начав готовиться к чтению курса лекций по полевой геологии на III курсе МГА. Он будет читать этот курс на протяжении следующих девяти лет и выпустит соответствующий двухтомный учебник, который выдержит множество изданий и переизданий. О других его многочисленных занятиях в эти годы – немного позже.

Вернадский же, добравшись вскоре до Петрограда, опустевшего и притихшего, поселился в прежней квартире в академическом доме (правда, от восьми комнат у Вернадских осталось четыре) и фактически вернулся к прежним занятиям: он, как прежде, директор Геологического му-

¹ 44 академика; 1 институт, 10 лабораторий, станций и музеев, 220 штатных сотрудников (библиотека, архив, типография и др.).

² По инициативе М. Горького, эта же комиссия оказывала помощь и художественной интеллигенции.

зея и председатель Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), деятельность которой носит, конечно, совершенно другой характер, чем до революции, – более целенаправленный. Что же касается «задач дня в области радия», то тут в его отсутствие дело двинулось очень существенно. Сотрудники основанной Вернадским радиологической лаборатории К. А. Ненадкевич, В. Г. Хлопин, Л. С. Коловрат-Червинский преобразовали ее в радиевый отдел созданного в 1918 г. Рентгенологического института под директорством профессора-медика М. И. Неменова. Планы отдела нашли поддержку в верхах, были выделены средства, и в 1920–1921 г. усилиями В. Г. Хлопина и И. Я. Башилова на заводе в Бондюже (Северный Урал) была отработана промышленная технология производства радия из туя-муонской руды. В декабре 1921 г. Хлопин привез в Петроград 4,1 мг этого драгоценного препарата. Успехи привели к серьезным научно-административным решениям: Рентгенологический институт был разделен на три самостоятельных: собственно Рентгенологический, занимавшийся медико-биологическими проблемами излучений (директор М. И. Неменов), Физико-технический (директор А. Ф. Иоффе) и Радиевый (директор В. И. Вернадский).

Вообще, первый после возвращения в Петроград год (с апреля 1921-го по апрель 1922-го) был для Вернадского чрезвычайно насыщен событиями. Сразу же по приезде он начал читать публичные лекции: о геохимии – в академической аудитории, а на тему, занимавшую уже пять лет все его мысли – о живом веществе, – для широкой публики, в одном из двух мест сосредоточения художественной интеллигенции Петрограда – Доме литераторов на Бассейной. Увы, и во время лекции, и после опубликования ее в виде брошюры он получил одно и то же впечатление: его не понимают. Причем не понимают не только идеологические и научные оппоненты, но и соратники.

Другая печатная работа Вернадского, не чисто научного, а скорее научно-публицистического характера, – двухтомный сборник «Очерки и речи» [3], был издан в 1922 г. по инициативе Н. М. Федоровского. Именно в нем опубликовано самое, пожалуй, цитируемое сегодня высказывание В. И. Вернадского:

«Мы подходим к великому повороту в жизни человечества, с которым не могут сравниться все им раньше пережитые. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который дает ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетие. Но ясно, что это должно быть.»

Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение?

Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?

Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества».

На эту книгу, как и на брошюру о живом веществе, обрушился шквал критики в марксистской печати. Но идеологическая полемика по научным вопросам в те годы еще не заканчивалась арестом одной из сторон. А вот «командировку на юг» петроградская ЧК все же не оставила без внимания. И в июле 1921 г. в квартиру Вернадских ночью явились-таки незваные гости и забрали хозяина в известный дом на Шпалерной. Повод для беспокойства у родных и друзей был самый серьезный – в городе вовсю раскручивалось так называемое дело Таганцева¹. Владимир Иванович был прекрасно знаком и с академиком Н. С. Таганцевым, известным юристом, и с его сыном, Владимиром Николаевичем, объявленным организатором контрреволюционного заговора, – последний являлся ученым секретарем Сапропелевого комитета при КЕПС. Да и о каюте для Вернадского на английском линкоре органам было известно.

На самый верх, к Дзержинскому и Ленину, полетели телеграммы за подписью виднейших академиков. Они возымели действие. Вернадский провел в ЧК менее двух суток и серьезному насилию не подвергался, но впечатлений хватило надолго. Можно сказать, пронесло, поскольку многочисленные хлопоты в защиту Владимира Таганцева и Николая Гумилева, даже более активные, оказались напрасными – 24 августа их расстреляли в числе 61 привлеченного по делу участника.

После такой встряски Вернадский счел за благо на некоторое время покинуть Петроград. А. Е. Ферсман организовал поездку на Кольский полуостров, где сам он разворачивал работы большой геолого-разведочной северной экспедиции Академии наук, а учителю предоставил возможность поработать на биологической станции недалеко от Мурманска – «живое вещество» там имелось в большом количестве и разнообразии.

Два экспедиционных месяца (в поездке принимала участие и дочь Нина) благотворно сказались на рабочей форме Вернадского. Он выступил с рядом академических инициатив. Из них, в первую очередь, следует отметить организацию первой экспедиции в район падения Тунгусского метеорита, которую возглавил хранитель метеоритной коллекции Минералогического музея Леонид Кулик, а также создание Комиссии АН по изучению истории, философии и техники, с кото-

рой в России начались исследования по истории науки.

Став директором Радиевого института, Вернадский в полной мере ощутил проблемы, связанные с тяжелым экономическим положением страны. Плохо было с финансами, оборудованием, аппаратурой, научной литературой – со всем, что требовалось для нормальной работы. Даже если средства выделялись, на них ничего стоящего нельзя было купить: требовались не рубли, а валюта, а ее не было. Испытал он и все прелести новой бюрократии «советского разлива». Отношение к власти, с которой он вполне сотрудничает, у него по-прежнему весьма трезвое и скептическое: *«Большевизм держится расстройством жизни. При налаженной культурной жизни в мировом масштабе он не может существовать и так или иначе должен измениться. Это форма низшего порядка даже по сравнению с капиталистическим строем, т. к. она основана на порабощении человеческой личности»*, – записывает он в дневнике в конце 1921 г. [1].

Неизвестно, как сложились бы отношения академика с властью в ближайшие годы, если бы судьба не сделала очередной поворот: в Академию наук пришло сообщение из парижской Сорбонны о том, что Вернадский избран профессором этого университета и приглашается для чтения курса лекций по геохимии. Владимир Иванович ответил согласием, а правительство дало добро на длительную (полгода) командировку, разрешая взять и семью.

Но еще до отъезда, Вернадский успевает на ежегодном общем собрании Академии наук в декабре 1921 г. представить (совместно с А. П. Карпинским и А. Е. Ферсманом) кандидатуру своего коллеги по Таврическому университету Владимира Афанасьевича Обручева для избрания в члены-корреспонденты АН [2]. У высокого научного собрания возражений нет. Так начинается академическая карьера В. А. Обручева.

Вообще, 1920-е гг. были, возможно, самыми плодотворными в творчестве Обручева. Чтение курсов в МГА, сначала одного, потом двух, оставляли достаточно времени для собственных научных и литературных занятий. Декан геолого-разведочного факультета А. Д. Архангельский, читавший курс геологии СССР, пожаловался Обручеву, что по разделу, относящемуся к Сибири, нет подходящего учебника. Обручев в короткий срок написал целую монографию в 25 авторских листов. Быстро издать такой обширный труд издательство не бралось, автора попросили его сократить, Обручев согласился, но одновременно перевел изначальный вариант на немецкий и отправил в берлинское издательство «Борнеманн», где книга и вышла в 1926 г. под названием «Geologie von Sibirien» (рис. 1, а). В том же году состоялось первое вручение учрежденной Совнаркомом премии им. В. И. Ленина за «имевшие наибольшее

¹ Одним из арестованных и вскоре расстрелянных по этому делу был, как известно, поэт Николай Гумилев.

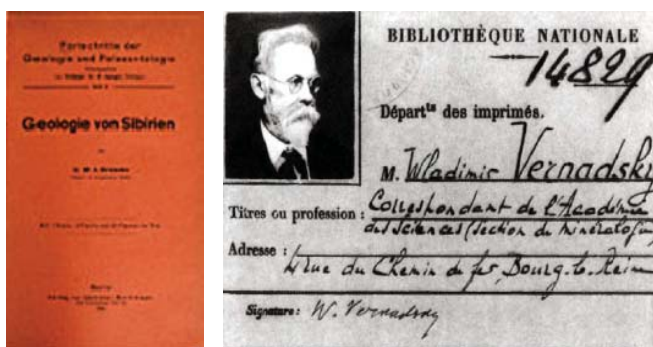

Рис. 1. 1920-е гг. Заграница еще доступна: слева – берлинское издание труда В. Обручева «Геология Сибири» 1926 г.; справа – читательский билет В. Вернадского в Парижской библиотеке (1925 г.)

теоретическое и практическое значение научные труды по всем отраслям знания, написанные после Великой Октябрьской социалистической революции». И одним из первых Обручев получает эту премию именно за немецкое издание (за немением пока что русского). Так начинается история наград Обручева советского периода. А годом раньше он получил последнюю зарубежную премию – им. П. А. Чихачева (Парижская Академия присудила ему ее вторично, причем известно из [1], что с В. И. Вернадским, находившимся тогда в Париже, о кандидатуре советовались).

Разнообразен круг организаций, с которыми Обручев сотрудничает: это и московское отделение Геолкома (где начальником ректор МГА И. М. Губкин), и Институт прикладной минералогии, созданный Н. М. Федоровским на базе Литгеа. Но, пожалуй, наиболее значимой с сегодняшней точки зрения является его работа в те годы в качестве консультанта главка «Союззолото». Именно по его рекомендациям состоялись знаменитые ныне экспедиции в юго-восточную часть Сибири [11]: его сын Сергей впервые надежно зартировал эту территорию и открыл неизвестный ранее хребет Черского, а молодой геолог Ю. А. Билибин со товарищи открыли на Колыме богатейшую золотоносную провинцию.

Обручев написал за это время массу статей по разным проблемам геологии, в том числе о «древнем темени Азии» (термин Э. Зюсса), и вступил в острую полемику с ленинградским профессором М. М. Тетяевым, продолжавшуюся без малого десять лет в весьма порой нелицеприятных выражениях с обеих сторон. Выбирался он пару раз и в дальние поездки по стране – на Кавказ, в Среднюю Азию, а вот за рубежом не был ни разу, хотя в те годы для известных ученых это не было особой проблемой.

Особая статья – литературные студии Владимира Обручева в этот период. В 1924 г. в небольшом московском издательстве вышел его первый научно-фантастический роман «Плутона», а двумя годами позже – «Земля Санникова». Оба романа до сих пор принадлежат к классике советской научной фантастики, в полной мере со-

ответствуя названию жанра. Собственно, он и написал их, возмущенный ненаучными «ляпами» в романах Жюль Верна и чешского писателя Карла Глоуха на сходные темы. Но немногие читатели Обручева-фантаста знают, что этим жанром творчество писателя далеко не ограничивалось. В те же 1920-е гг. вышли в свет еще два его романа: «Золотоискатели в пустыне» и «Рудник „Убогий“», которые правильнее назвать научно-приключенческими. Именно как писатель Обручев и стал сначала широко известен в Советском Союзе.

В целом, «второй московский период» (так он сам его называл) в биографии В. А. Обручева был лишен каких-либо серьезных невзгод и переживаний. Он занимался любимым делом, жил в одной и той же московской квартире на Большой Калужской, был окружен заботой в семье, ездил на курорты. Во время отдыха в подмосковном санатории «Узкое» даже принял участие в выпуске рукописного юмористического журнала [7].

Согласимся, что представить в такой ситуации Владимира Ивановича Вернадского довольно трудно. Его жизнь в эти годы была тоже очень насыщенной событиями, но окрашенной в куда более драматичные тона. Шестимесячная командировка растянулась на четыре года и имела все шансы превратиться в бессрочную.

За это время Владимир Иванович с женой, Натальей Егоровной, побывали в Праге, Вене, Лондоне, Ливерпуле, а Францию исколесили основательно. В Париже Вернадский не только читал лекции, но и работал в лабораториях Сорбонны и Института мадам Кюри, встречался со многими светилами европейской науки того времени (Эйнштейн, Резерфорд, Бергсон и др.). Освобожденному от домашних академических и организационных хлопот Вернадскому очень хорошо работалось (см. рис. 1, б). Именно тогда и там он написал два главных, по сути дела, труда своей жизни – «Геохимию» и «Биосферу». Написал, между прочим, по-французски. На русский перевела Наталья Егоровна. Французская «Геохимия» вышла в Париже в 1926 г., а русская «Биосфера» – в том же году, но в России.

«Геохимия» принесла Вернадскому более широкую известность в зарубежной научной среде и кое-какие средства для дальнейшего проживания. Это было немаловажно, ибо жили они стесненно. «Командировочных» ему не платили, рассчитывать приходилось только на себя. Вернадский согласился повторно прочесть курс в Сорбонне. Сначала командировку ему продлили без проблем до 1924 г., о чем лично сообщил лучший друг Сергей Ольденбург, бывший в Париже по своим делам. Но дальше начались осложнения. Владимир Иванович все это время пытался заинтересовать круги тогдашнего зарубежного научного менеджмента своими проектами по изучению «живого вещества» в форме организации пусть

не института, но хотя бы лаборатории. И в Англии, и в США ему в мягкой форме отказали, и только французский фонд Розенталя, причем неожиданно, дал, как бы сейчас сказали, годичный грант именно по этой тематике. Но когда Вернадский сообщил в Президиум АН о намерении задержаться еще дольше, оттуда, по всей видимости, в соответствии с указаниями свыше, ему предложили в ультимативной форме: либо он немедленно возвращается, либо теряет академическую кафедру (и академическую квартиру). Звание академика за ним сохраняется, но фактически он выводится за штат Академии.

Вернуться немедленно Вернадский отказался – слишком велико было желание в хороших условиях поработать над проблемой, которая полностью занимала тогда его ум. Но и о желании остаться на совсем не заявлял. И его статус стал совершенно неопределенным – ни эмигрант, ни командировочный. Друзьям из Президиума АН – Ольденбургу и Ферсману, которые и были, собственно, главными академическими «ходатаями» перед верхами, он объяснял, что вопрос о его возвращении может встать не раньше, чем он выполнит работу по гранту и представит полный отчет о ней.

Впрочем, ситуация вскоре смягчилась. В Советском Союзе в 1925 г. готовились отпраздновать двухсотлетний юбилей Академии наук (почему-то на год позже фактической календарной даты) и Вернадскому намекнули, что его могут пригласить. Владимир Иванович, ничтоже сумняшеся, ответил, что в случае возвращения он хотел бы сохранить за собой директорство в Радиевом институте и председательство в КЕПС. Ну, и желательно, чтобы со стороны так называемых компетентных органов претензий не было.

На юбилейные празднества Вернадский не успел. Он был занят отчетом фонду Розенталя. Он был огорчен, что его идеи относительно биосферы встречают понимание у очень немногих. Даже лучший ученик и соратник Ферсман считал, что учитель преувеличивает значимость своих исследований. Но академик был твердо уверен в правоте. О чем была речь? Дело в том, что со времен Ламарка в центре внимания биологов всегда была эволюция видов. Споров и теорий было множество. Но вопрос об эволюции биосферы в целом («живого вещества» как такового) впервые поставил Вернадский. Как известно, сегодня, на новом витке развития биологии, он вновь возник, как один из важных для человечества. Используя в основном термин «живое вещество, Вернадский писал именно о биосфере:

«Я буду называть живым веществом совокупность живых организмов, выраженную в весе, в химическом составе, в мерах энергии и в характере пространства <...> Живое вещество более или менее непрерывно распределено на земной поверхности, оно образует на ней тонкий, но сплошной покров, в котором концентрирована

свободная химическая энергия, выработанная им из энергии Солнца. Этот слой есть земная оболочка, которую знаменитый австрийский геолог Э. Зюсс почти 60 лет назад назвал биосферой и которая представляет одну из самых характерных черт организованности нашей планеты. Только в ней сосредоточена та особая форма нахождения химических элементов, которую мы назвали живым веществом» [4].

Зато те немногие, кто его понимали, восприняли идеи Вернадского, можно сказать, творчески, поскольку они были созвучны их собственным мыслям. Это были два французских ученых: философ Эдуард Леруа и геолог и антрополог, а по совместительству священник-иезуит Пьер Тейяр де Шарден. Именно Леруа, внимательно слушавший лекции Вернадского, в одной из своих работ в 1927 г. употребил термин «ноосфера» по отношению к следующему этапу развития биосферы, в который последняя уже якобы вступает. Впоследствии они с Шарденом продолжали развивать эту концепцию.

Вернадский об этом узнал уже значительно позже, после отъезда из Франции. Возможность вернуться в Россию появилась после получения таких известий от друзей-академиков: «Никаких затруднений ко всем нам желанному возвращению Вашему в лоно Академии не предвидится. Финансовый вопрос легко разрешается тем, что число академиков увеличено до 50. Александр Евгеньевич (Ферсман. – В. С.) готов немедленно по Вашему возвращению передать Вам Радиевый институт и КЕПС. <...> Квартира Вам обеспечена. <...> Наконец, и основной вопрос, не поддающийся формулировке, по всем имеющимся данным не вызывает опасений» (цит. по [1]).

Вернадские вернулись в город, который теперь назывался Ленинградом, в марте 1926 г. И друзья, и собственные дети отговаривали, но у Владимира Ивановича были свои резоны. В ранге руководителя двух серьезных учреждений у него появлялись все возможности придать официальный организационный статус исследованиям по живому веществу. В эмиграции он таких возможностей уже не видел. К тому же, как оказалось, именно в этот период (середина 1920-х гг.) большевистские власти видели свою пропагандистскую выгоду в возвращении в Россию видных деятелей науки и культуры и стремились ему способствовать. Вернадский использовал это «на полную катушку». Условия для научной работы, ввиду крайней российской бедности, были несравнимы с западными. Поэтому он выбил себе еще одну привилегию – фактически неограниченную возможность командировок в Европу. В ближайшие два – два с половиной года он проводил там едва ли не столько же времени, сколько в Советском Союзе. Но успевал не только выполнять прямые административные обязанности, но и создавать новые: возродил и возглавил Комиссию АН

по истории знаний и создал еще одну – по определению возраста пород радиологическим методами. На главном же своем направлении в 1926 г. открыл при КЕПС Отдел живого вещества, а в октябре 1928 г. уже в Радиевом институте – биогеохимическую лабораторию, получившую по моде того времени сокращенное название БИОГЕЛ.

Пережив тяжелейшие времена, российская наука в целом и геология в частности до некоторых пор сохраняла не только свою жизнеспособность, но и корпоративный характер. Творческим ядром были ученые, состоявшиеся еще до революции, но уже подрастали их ученики, ставшие впоследствии славой и гордостью советской науки. И Академия наук, и Геолком еще сохраняли определенную степень свободы в смысле самоуправления. Это не могло не беспокоить партийных идеологов. К концу 1920-х гг. созрел план, как приструнить и поставить под полный контроль старорежимных «аристократов от науки». «Перестройка» началась еще в 1927 г., когда был принят новый устав Академии, где было прямо написано, что академики должны приносить пользу социалистическому строительству. В апреле 1928 г. постановлением Совнаркома число академических мест было увеличено с 45 до 85. Это было сделано с целью советизировать Академию, ввести в ее состав идеологически правильных ученых с партийными билетами. Но на декабрьских выборах 1928 г. «старые» академики «прокатили» на тайном голосовании нескольких ставленников власти, а такие известные личности, как Н. И. Бухарин и Г. М. Кржижановский прошли «с большим скрипом» (В. А. Обручев стал действительным членом без проблем).

Руководители АН были вызваны в Кремль «на ковер». Им в ультимативной форме под угрозой ликвидации Академии было предложено провести повторное голосование с заведомо правильными результатами, что и случилось (некоторым академикам, в том числе и Вернадскому, удалось уклониться от голосования). Но желание проучить непокорных только окрепло. И в год «великого перелома», как называют 1929-й в современной истории СССР, к акции был привлечен НКВД. Началась настоящая чистка академических институтов, сопровождаемая прямыми репрессиями. Эти события, известные под разными названиями: «дело академика С. Ф. Платонова», «дело Платонова-Тарле», «дело четырех академиков», «дело историков» – многократно ныне описаны в исторической литературе [8].

Не оставили в покое и Геолком. Избранный тогда же академиком И. М. Губкин, выходец из рабоче-крестьянской среды, приложил все силы для его ликвидации. В результате это научно-административное учреждение было разбито на несколько чисто научных, а административные функции перешли к вновь созданному Главному геолого-разведочному управлению (ГГРУ) при ВСНХ СССР.

А Владимир Афанасьевич Обручев, став «полным» академиком, завершил свою педагогическую деятельность, перебрался из Москвы в Ленинград и приступил к организации академического Геологического института (ГИН), которого до сих пор в Академии не было. Ему, как и всему академическому сообществу, предстояло привыкать к жизни в новых «предлагаемых обстоятельствах».

1930–1940

«ГИН, ПИН и ПЕТРИН – / Все похоже, как один. / Камни тут и кости там, / Ископаемый все хлам... / Возглавляет весь костяк / Академик Борисьяк», – автором этих строчек считается И. А. Ефремов – будущий известный писатель-фантаст, а в начале 1930-х гг. – сотрудник ПИН (Палеонтологического института АН). Работали они с Обручевым тогда в одном здании, но в разных институтах (там же располагался еще и ПЕТРИН – Петрографический институт). Ефремов тогда еще не написал ни одного фантастического произведения, но книги Обручева, надо полагать, читал.

Планы работ института первый директор развернул, естественно, на свою любимую Сибирь. Но приходилось отдавать дань и нуждам соцстроительства: проводить инженерно-геологические изыскания в районах строительства гигантов первой пятилетки – Беломоро-Балтийского канала и Днепрогэса. Заведовать одним из отделов Обручев пригласил Дмитрия Ивановича Мушкетова, сына своего учителя, последнего директора Геолкома, оставшегося как бы без работы.

Реорганизована была и КЕПС, ставшая СОПС (Советом по изучению производительных сил) под началом И. М. Губкина (он же вскоре возглавил и ГГРУ). Освобождение Вернадского от этой комиссии не намного уменьшило общее число академических комиссий и комитетов, которые он возглавлял: Комитет по метеоритам и космической пыли, комиссии по изотопам, по радиоактивному определению времени, по истории знаний и др. Сложнее было найти комиссию, в организации или работе которой он бы не участвовал. Номинально он оставался также директором Радиевого института, но повседневной работой руководил фактически В. Г. Хлопин, а на Вернадском лежала задача отстаивать интересы института в верхах.

Новые времена – новые порядки: Вернадского в 1930 г. впервые не пустили в зарубежную командировку (его опять приглашали в Сорбонну). Категорически не отказывали, а затягивали под разными предлогами. Академик с этим мириться не собирался и писал письма во все инстанции, вплоть до генсека, причем отнюдь не в просительной интонации. После двухлетней затяжки все же на полгода отпустили.

Оба наших героя много и часто печатаются в научной периодике, у обоих не обходится без

острой полемики. Обручев продолжает затянувшийся спор с Тетяевым, в котором в конечном итоге и тот, и другой окажутся неправы. А статьи Вернадского советские научные журналы сопровождают редакционными примечаниями вроде: «В статье автора содержатся высказывания идеалистического характера, с которыми редакция не согласна». Владимир Иванович сначала пытался протестовать, а потом махнул рукой.

Марксистская критика решительно вторглась в пределы естественных наук, в том числе в геологию. Институты, на которые распался бывший Геолком, были вновь объединены под названием ЦНИГРИ, и там сформировался Сектор диалектики геолого-разведочных наук. В 1932 г. его сотрудники издали сборник под названием «За марксистско-ленинскую перестройку геолого-разведочных наук» (рис. 2), в котором с позиций диалектического материализма клеймили ведущих сотрудников института [6]. Клеймили, видимо, недостаточно, потому что еще более суровая критика потом настигла и их самих.

Спорить с марксистами было бесполезно, да и силы на это было тратить жалко. В 1930 г. нашим героям исполнилось по 70 лет. Еще хватало здоровья – Владимиру Ивановичу для вояжей за

границу, а Владимиру Афанасьевичу – для поездок по стране, причем довольно дальних (Иркутск, Алтай, Ташкент). Однако «в поле» он теперь выбирался уже не в экспедиции, а на научные экскурсии, традиционно предусматривавшиеся после различных геологических конференций.

В январе 1933 г. Обручев довелось пережить большое горе – скоропостижно умерла его жена Елизавета Исаакиевна, верная его подруга, спутница и помощница на протяжении 46 лет. Владимир Афанасьевич, и так-то не расположенный к широкому общению, еще более замкнулся в себе, с головой ушел в научную работу. Еще до конца года он подал заявление об уходе с поста директора ГИН и сосредоточился на подготовке к изданию двух своих главных трудов: многотомной «Истории геологического изучения Сибири» (первые выпуски начали выходить еще с 1931 г., а полностью эта работа будет закончена только после войны), а также дополненного варианта «Геологии Сибири» на русском языке (вышла в 1935 г.) Впрочем, без женской опеки Обручеву, видимо, было трудно, и в 1935 г. он женился снова на Еве Самойловне Бобровской, с которой был знаком с крымских времен.

У Вернадского тоже были утраты – в 1934 г. умер Сергей Ольденбург (еще раньше, в 1920-х – Александр Корнилов). Из ближайших друзей (студенческого братства) оставались в живых только Дмитрий Иванович Шаховской и Иван Михайлович Гревс. Иногда удавалось встречаться в традиционный для братства день 30 декабря. Здоровье Владимира Ивановича не отличалось крепостью, в 1935 г. он в последний раз побывал за рубежом, теперь не только с научными целями, но и на курорте – в чехословацких Каловых Варах. Но это случилось уже после большой перемены в истории Российской академии наук – ее перевели из Ленинграда в Москву. Переездом Президиума и основных институтов завершилась кампания по встраиванию Академии в советско-большевистское жизнеустройство. В числе переведенных – ГИН, где работал Обручев, и БИОГЕЛ, которой руководил Вернадский.

Жизнеустройство же это было таково, что наряду с возможностями для плодотворной работы, грандиозными индустриальными свершениями, научными открытиями и культурными успехами для каждого члена общества постоянно существовала опасность быть арестованным и обвиненным в политических преступлениях. Как теперь известно, Вернадского и Обручева опасность сия миновала. Но была ли она в принципе? Да, была, и вполне реальная – об этом есть документальные свидетельства. Арестованный еще в 1934 г. сотрудник Вернадского Б. Л. Личков рассказывал потом, что его заставляли признаться в принадлежности к некоей «Российской национальной партии», возглавляемой академиками В. И. Вернадским и Н. С. Курнаковым, причем именно Вер-

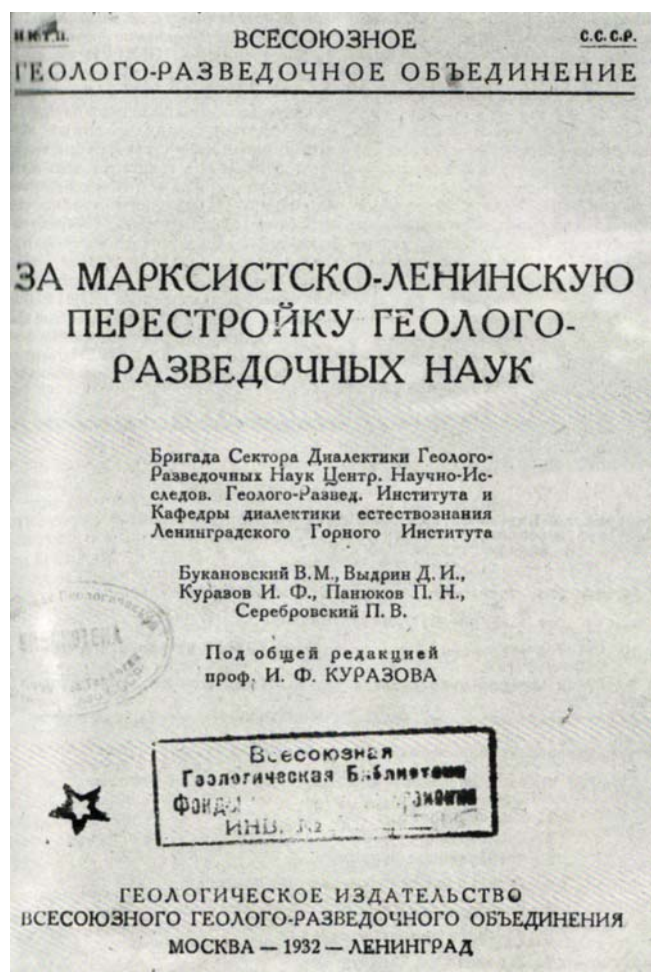

Рис. 2. 1930-е гг. Обложка идеологически выдержанного сборника геологов-марксистов – оппонентов В. Вернадского

надский его туда и «завербовал». Известными методами Личкова вынудили такие показания дать: «Контрреволюционность моего поступка усугубляется также и тем, что я настаивал на необходимости остаться Вернадскому, я понуждал последнего к невозвращению и тем самым лишал Советский Союз одного из самых крупных ученых в мире. Признавая свой поступок актом, свидетельствующим о продолжении мною контрреволюционной борьбы в условиях следствия, я прошу также учесть, что мною руководили также чисто человеческие побуждения, поскольку мне известно из заключения врачей, что Вернадский, которому 72 года, страдает серьезными болезнями и нуждается в полном покое» (цит. по сайту G-to-G [5]).

Личков отработал свое на строительстве канала Москва – Волга, был выслан в Среднюю Азию и больше внимания органов не привлекал. Стоит заметить, что Николай Семенович Курнаков (1860–1941), директор Института общей и неорганической химии, ныне носящего его имя, тоже аресту не подвергался, а в 1941 г. вместе с В. А. Обручевым в числе первых лауреатов был удостоен Сталинской премии. Слава богу, не все сценарии, разработанные в недрах НКВД, оказались реализованными, в том числе и тот, где фигурировало имя В. А. Обручева.

Это происходило уже в период полной вакуумности репрессий 1937–1938 гг. Было арестовано все руководство Главсевморпути во главе с Р. Л. Самойловичем, в том числе ведущие сотрудники горно-геологического управления, известные исследователи советского Севера Б. Н. Рожков, Н. Н. Урванцев и М. М. Ермолаев (двоих последних арестовывали несколько раз, выпускали и вновь сажали). Работавшего там же сына В. А. Обручева Сергея не тронули. Ермолаев впоследствии писал в своих воспоминаниях:

«Следователь был безукоризненно вежлив и сразу же предъявил мне новое обвинение, по ст. 58, п. 10, 7 и 11. Он посоветовал признаться в том, что я был завербован германской разведкой, чтобы не осложнять дело, ибо судьба моя решена самим фактом первого ареста и несущественно, каково обвинение. Правда, сказал он мне все так же любезно, есть возможность значительно смягчить приговор, если я соглашусь подтвердить и подписать показания некоего Бориса Рожкова. Это были совершенно бредовые показания. Показания загнанного в тупик, сломленного, запуганного и скорее всего физически истерзанного человека! В них обвинялись во вредительстве и предательстве геологи В. А. Обручев, Я. С. Эдельштейн, В. К. Котульский, М. П. Русаков, М. М. Тетяев, И. Ф. Григорьев, А. Г. Вологдин и еще несколько человек. Очевидно, намечено было раскрутить крупное „геологическое дело“».

Ермолаев подтвердить признания Рожкова отказался. То же самое удалось сделать и Урван-

цеву¹. Но следует обратить внимание на перечень имен в «признательных показаниях» Рожкова. Дело в том, что, когда в 1949 г. раскручивалось «красноярское дело» по обвинению геологов в сокрытии залежей урана в Сибири, именно все эти люди и были арестованы (см. [9]). Кроме В. А. Обручева. Восьмидесятишестилетний академик к этому времени был уже столь увенчан всеми возможными регалиями и наградами, что стал недосягаем для органов. В остальном «отложенный» сценарий чекистов через 10 с лишним лет сработал полностью.

Как бы то ни было, на долю Вернадского и Обручева выпали лишь вполне вероятные «гадания» относительно того, придут за ним или нет, а также переживания за родных и близких – коллег, сотрудников, учеников. А их пострадало немало. Бесследно исчез в застенках «князь Дима» – Дмитрий Иванович Шаховской. Арестована родственница Вернадского и его личный секретарь Е. П. Супрунова, двое сотрудников БИОГЕЛа Симорин и Кирсанов. Оказался на Колыме известный кристаллограф и минералог А. К. Болдырев. Из дневника Вернадского и из доступных ныне архивных документов известно, что Владимир Иванович пытался выяснить и по возможности облегчить участь каждого из них. Писал письма прямо в НКВД и в правительство, за многих ручался. Иногда даже помогало. Удивительно, но с ученым, не имеющим никаких регалий, не скрывавшим своих убеждений ни в науке, ни в политике, власти считались: такова была харизма этого человека.

Хлопотал ли за кого-либо Обручев – об этом попросту нет сведений. Вполне возможно. Биографы Владимира Афанасьевича этот вопрос обходят молчанием. Конечно, вряд ли Обручев всерьез поверил, что хорошо ему известные Д. И. Мушкетов или Н. М. Федоровский были вредителями или заговорщиками. Скорее всего, он, так же как Вернадский, старался не участвовать в тех академических заседаниях, где надо было выступать с обличениями в адрес арестованных коллег и голосовать за их исключение.

На фоне всеобщего страха и угнетенности (по крайней мере в той среде, к которой принадлежали наши академики) особенно абсурдно выглядели всяческие торжества и юбилеи. В 1937 г. Москва принимала XVII Международный геологический конгресс. Аресты среди геологов продолжались до самого его начала. Но некоторых «лагерников» и ссыльных (В. К. Котульского, Н. Н. Тихоновича, С. И. Ильина) под незаметным для иностранных гостей конвоем, наоборот, привозили на заседания. Президентом конгресса был И. М. Губкин. И Вернадский, и Обручев выступали с докладами, первый – о геологическом времени

¹ Б. Н. Рожкова в 1938 г. расстреляли, а М. М. Ермолаев и Н. Н. Урванцев прошли через все тяготы лагерей и были реабилитированы еще при жизни.

и радиогеологии, а второй – о докембрии Сибири. Вернадский написал в дневнике, что многие известные иностранцы не приехали, известия о том, что в СССР неспокойно (что ни год раскрывается несколько крупных заговоров) они могли почерпнуть из газет.

Что касается юбилеев, то 75-летие обоих ученых пришлось на 1938 г. Вернадский категорически отказывался от всяких торжеств по любому поводу. Единственный юбилейный презент, который он принял, был сборник научных статей, изданный в 1936 г. к 50-летию его научной деятельности с участием таких авторитетов, как А. Е. Ферсман, П. П. Лазарев, Н. Д. Зелинский, В. А. Обручев, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Л. С. Берг и даже зарубежных – Отто Ган, Макс Борн. Зато юбилей Обручева отмечался в АН очень широко и торжественно. Владимир Афанасьевич получил первую советскую правительственную награду – орден Трудового Красного Знамени (Вернадского тогда не отметили ничем).

Рис. 3. 1930-е гг. На заседании в Академии наук СССР. Справа на переднем плане В. А. Вернадский и В. А. Обручев

Несмотря на возраст оба продолжали активно работать. Иногда их пути пересекались на академических заседаниях (рис. 3), когда вопрос интересовал обоих. Так, в 1939 г. Вернадский поднял вопрос о возобновлении деятельности Комитета АН по изучению вечной мерзлоты. По его предложению председателем Комитета был избран Обручев, а вскоре статус Комитета был повышен до института, который Обручев и возглавил. Вернадский, напротив, в том же году ушел с последнего административного поста – директорства в Радиовом институте, но ядерной тематикой интересоваться не перестал. Когда в прессу (зарубежную) стали просачиваться сообщения о возможности создания ядерного оружия на основе изотопа урана-235, именно Вернадский инициировал создание Комиссии АН по урану, что и стало, по сути дела, началом Атомного проекта СССР¹.

В конце 1939 г. были учреждены Сталинские премии, а вскоре образованы два комитета

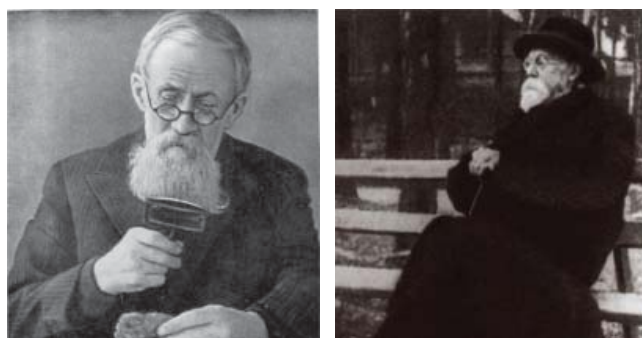

Рис. 4. Военные годы: фото слева – В. А. Обручев ищет руду на Урале; фото справа – В. И. Вернадский думает о будущем планеты в Казахстане

по их присуждению. В Комитет по премиям в области науки и изобретательства вошел В. А. Обручев – единственный из геологов. Рассмотрение представленных на соискание премии работ продолжалось весь 1940 г. Имена первых лауреатов стали известны в марте 1941 г. Среди ученых геологов было двое – сам Владимир Афанасьевич и нефтяник В. М. Сенюков². Получилось так, что за монографию «Геология Сибири» Обручев получил две премии имени обоих вождей – В. И. Ленина за немецкое издание 1926 г. и И. В. Сталина – за русское издание 1935 г.

Сталинская премия I степени была очень серьезной наградой для любого советского гражданина. Обручев мог себя чувствовать вполне защищенным от внимания «сценаристов из НКВД». У Вернадского в дневнике 1941 г. нет записей за 12–22 марта и вообще какого-либо упоминания о премиях имени вождя³.

Между тем до начала войны оставалось лишь три месяца.

1941–1956

Во время Великой Отечественной войны пути и судьбы академиков сложились по-разному. Возраст и здоровье Вернадского (уже случились и инсульт, и инфаркт) не позволяли ему активно участвовать в работе какого бы то ни было из эвакуированных учреждений АН. Его вместе с находившимися в сходной ситуации коллегами по Академии решено было перевезти в санаторий Боровое в Казахстане. Собственно, туда же первоначально собирался и Обручев. Но Владимир Афанасьевич, доехав до Свердловска, счел, что он достаточно здоров и крепок, чтобы остаться здесь и попытаться приносить посильную пользу оборонным нуждам страны. Геологическая часть

² О геологах – лауреатах Сталинской премии в области науки рассказано в статье [10].

³ Упомянутый ранее академик Н. С. Курнаков, также ставший лауреатом, умер 19 марта 1941 г., через шесть дней после опубликования Постановления о премиях. Вернадский 23 марта записал в дневнике: «Был на панихиде Н. С. Курнакова, на самой панихиде сидел в другой комнате и чувствовал, что должен быть осторожным» [1].

¹ Об этом подробно рассказано в нашей статье [9].

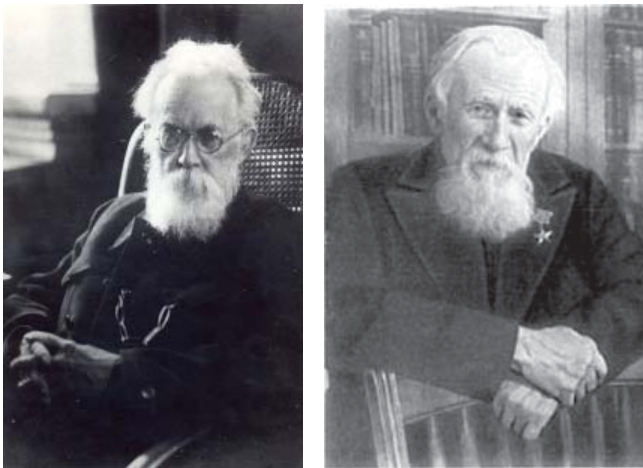

Рис. 5. 1940-е гг. Лауреаты Сталинской премии: слева – академик В. И. Вернадский (1943 г.); справа – дважды лауреат (1941 и 1951 гг.), Герой Социалистического Труда академик В. А. Обручев

АН оказалась представлена в Свердловске столь солидно, что решено было выбрать академика-секретаря Геолого-географического отделения. Именно В. А. Обручев эту должность и занял. Кроме того, он входил в состав академической Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Казахстана и Сибири для обороны страны. Работы хватало. Мощности металлургических заводов Урала требовалось повысить многократно и срочно, а для этого нужно было столь же быстро, с опережением наращивать и сырьевые ресурсы. Поэтому геолого-разведочные работы велись широким фронтом, а Обручев – один из тех кто утверждал их планы и оценивал результаты (рис. 4, а).

У Вернадского в Боровом режим работы был не столь напряженный (см. рис. 4, б), но так же повседневный. Днем диктовал текст новой книги секретарю Анне Дмитриевне Шаховской (дочери «князя Димы»), вечерами – общался с учеными соседями (компания для высокоумственных бесед куда как подходящая: академики Н. Ф. Гамалея, А. Н. Крылов, А. Е. Фаворский, Н. Д. Зелинский, Л. С. Берг, Л. И. Мандельштам). И большая переписка, среди корреспондентов – В. А. Обручев. Последний, как академик-секретарь отделения, собирал сведения по истории геологии советского периода для доклада президента АН В. Л. Комарова в ноябре 1942 г. на торжественном заседании в Свердловске по случаю 25-летия Октябрьской революции. Просил Вернадского уточнить события 1920-х гг. И Вернадский изложил ему вполне благопристойную версию своих приключений 1918–1926 гг. (в том числе их общего крымского бытования), а также сообщил, над чем он работает здесь, в Боровом. О периоде после 1926 г. – одна фраза: «Позднейшие года мы оба одновременно переживали».

В феврале 1943 г. у Вернадского большое горе – умерла Наталья Егоровна. Только через месяц он смог вернуться к обычной работе. А тут (12 марта) как раз и 80-летие. Юбилей старейше-

го по стажу академика отмечают сразу в трех местах: в Боровом – соседи по санаторию, в Свердловске – Президиум Большой Академии, в Уфе – Президиум АН Украины без присутствия юбиляра. Вышел Указ о награждении орденом Трудового Красного Знамени. А 23 марта в газетах – Постановление Совнаркома о Сталинских премиях за 1942 г. В специально введенной номинации «За многолетние выдающиеся работы в области науки и техники» Вернадский – в числе 12 лауреатов I степени (см. рис. 5, а). Таким образом, буквально в течение двух недель Владимир Иванович получил все свои советские награды. Послал Сталину благодарственную телеграмму: «Дорогой Иосиф Виссарионович, прошу из полученной мной премии Вашего имени направить 100000 рублей на нужды обороны, куда Вы найдете нужным. Наше дело правое и сейчас стихийно совпадает с наступлением ноосферы – нового состояния области жизни, биосферы – основы исторического процесса, когда ум человека становится огромной геологической планетной силой. Академик Вернадский». Не удержался, ввернул-таки в ритуальный почти текст вместо социализма или коммунизма свою «ноосферу»! Неуверенный, что вождь поймет, о чем речь, он вскоре послал вдогонку короткую статью «Несколько слов о ноосфере». За телеграмму его стандартно телеграммой же поблагодарили на статью ответа не было.

Вторую половину премии Вернадский фактически раздал тем из многочисленных коллег и знакомых, кто по его сведениям был в крайней нужде. Среди них были и ленинградские блокадники, и пропадавший в Ташкенте Б. Л. Личнов.

Юбилей В. А. Обручева отмечался уже в Москве, куда АН вернулась летом 1943 г. Банкет по военному времени был скромный, но речей он наслушался много. Получил первый орден Ленина. За десять дней до этого на первой послеэвакуационной сессии АН Владимир Афанасьевич продемонстрировал свою незаурядную эрудицию, прочитав доклад под названием «Геология и война», где проследил историю военных приложений инженерной геологии во все времена. Тема была для него, можно сказать, семейной – среди предыдущих поколений Обручевых было несколько военных инженеров-строителей в генеральских чинах.

Вернадский к этому времени тоже вернулся в Москву, но на чествовании Обручева не присутствовал, поздравил письменно: «Дорогой Владимир Афанасьевич, я вчера узнал случайно о вашем восьмидесятилетнем юбилее. Мне кажется, наше знакомство личное было еще в прошлом веке, в частности, тот том Зюсса, который, как он мне говорил, является общим его с Вами. Самым сердечным образом шлю Вам свои наилучшие пожелания. Но мне кажется, – в нашем возрасте больше всего хочется сохранить силу духа и силу ума до конца. Прошу передать мои сердечные пожелания Вашей семье. Ваш В. Вернадский».

Самочувствие Владимира Ивановича в последние полтора года колебалось от сносного до плохого. Тем не менее он еще строил планы поездки в США, чтобы умереть на руках детей и внуков. Этому сбыться было не суждено, Вернадский скончался в Москве 6 января 1945 г.

На долю Обручева выпало писать некролог. Самому же ему довелось получать поздравления еще и со своим 90-летием. В дни празднования Победы он стал Героем Социалистического Труда с вручением второго ордена Ленина (см. рис. 5, б). Всего этих орденов к концу жизни у него накопилось пять – все полученные после 80 лет. В 1951 г. к ним добавилась вторая Сталинская премия за многотомную «Историю геологического изучения Сибири», полностью наконец завершенную. Все эти годы Обручев трудился, насколько позволяли силы и здоровье (многого они уже не позволяли). В советской геологии он был признанным патриархом, но отнюдь не музейным экспонатом, ясности ума еще хватало, чтобы, например, ввести в науку термин «неотектоника», который ныне обозначает целое направление в геологических исследованиях. Несомненно, приходилось ему консультировать и поисковые работы урановых руд, хотя непосредственного участия в Атомном проекте он не принимал.

Вся же страна от мала до велика знала его как писателя. В этом качестве он получал невероятное количество писем, в том числе от школьников. Он старался отвечать на каждое, но однажды решил ответить всем – через журнал «Знание – сила». Обращался он, по сути дела, к нам сегодняшним, к сегодняшней молодежи, поскольку заметка называлась «Счастливого пути вам, путешественники в третье тысячелетие!». Это произошло в 1954 г., за два года до смерти ученого в июне 1956 г. Без особого парадного суесловия он назвал несколько конкретных проблем, над которыми придется работать следующим поколениям ученых и инженеров:

«Требуется:

продлить жизнь человека в среднем до ста пятидесяти – двухсот лет, уничтожить заразные болезни, свести к минимуму незаразные, победить старость и усталость, научиться возвращать жизнь при несвоевременной случайной смерти;

поставить на службу человеку все силы природы, энергию Солнца, ветра, подземное тепло, применить атомную энергию в промышленности, транспорте, строительстве, научиться запасать энергию впрок и доставлять ее в любое место без проводов;

предсказывать и обезвредить окончательно стихийные бедствия: наводнения, ураганы, вулканические извержения, землетрясения;

изготавливать на заводах все известные на Земле вещества, вплоть до самых сложных – белков, а также и неизвестные в природе: тверже алмаза, жароупорнее огнеупорного кирпича, более

тугоплавкие, чем вольфрам и осмий, более гибкие, чем шелк, более упругие, чем резина;

вывести новые породы животных и растений, быстрее растущие, дающие больше мяса, шерсти, зерна, фруктов, волокон, древесины для нужд народного хозяйства;

потеснить, приспособить для жизни, освоить неудобные районы, болота, горы, пустыни, тайгу, тундру, а может быть, и морское дно;

научиться управлять погодой, регулировать ветер и тепло, как сейчас регулируются реки, передвигать облака, по усмотрению распоряжаться дождями и ясной погодой, снегом и жарой».

Сегодня можно утверждать, что все эти жизненно важные для цивилизации проблемы все еще актуальны и отнюдь не решены. И разве не то же самое, но сказанное более общими словами, имел в виду Владимир Вернадский, говоря о ноосфере и о «научной мысли как планетном явлении»?

1857–2013

Жизнь двух выдающихся личностей, о которых шла речь в этой статье, пришлось на два разных века (по уровню развития мировой науки) и два разных государства (в свете сегодняшних представлений оба можно считать империями). Вклад в мировую науку обоих ученых, влияние на ход ее развития в их профессиональных областях сопоставимы и вполне существенны. Несомненно, имеющиеся сходства и различия в их характерах, поступках и судьбе в целом обусловлены и разными (в обоих случаях незаурядными) врожденными качествами, и отличиями в среде повседневного общения. Но историко-географический фон был один и тот же. И это на конкретных примерах позволяет анализировать и обсуждать достаточно актуальные вопросы о взаимоотношениях ученого и власти, ученого и общества, ученых между собой. Это важно для понимания именно нашей, отечественной истории.

Попробуем обобщить все сказанное в этой статье об этих колоритных фигурах – Владимире Ивановиче Вернадском и Владимире Афанасьевиче Обручеве как о личностях в профессиональном, политическом и социальном аспектах.

Эрудитами в своих областях были оба. Кроме того, Вернадский завоевал признание как мощный генератор идей и проектов по широкому кругу направлений научных исследований. Обручев же прежде всего – систематизатор знаний в широкой, но четко очерченной области науки, авторитетный эксперт и талантливый популяризатор в этой сфере.

В политическом плане Вернадский до революции – очень активный политик государственного масштаба и уровня. Обручев участвовал в политике не столь активно, но политическую позицию имел совершенно явно выраженную. При этом оба принадлежали к одной, конституционно-демократической (кадетской) партии. В советское время оба отказались от какой бы то ни было политической

деятельности, даже депутатами каких-либо советов, кажется, никогда не были. Про Обручева точно не известно, а у Вернадского определенно был внутренний протест на многие действия властей, при отсутствии, однако, полного антагонизма. Обоим, несомненно, были присущи психологическое неприятие эмиграции, патриотизм, но не в советском, а в российском понимании.

Широкая натура того и другого требовала выхода за пределы собственно профессии. Для Вернадского этот выход, по существу, в философию, у Обручева – в художественную литературу. И сегодня можно признать, что если чисто геологические научные труды и Вернадского, и Обручева сейчас практически не переиздаются, то философские и художественные переиздаются многократно.

На наш взгляд, они так и остались людьми старой формации, хранителями лучших традиций дореволюционной русской интеллигенции со своей системой ценностей, которая у них была во многом общей. Дружбы не было, но была взаимная приязнь, позволявшая в определенных ситуациях действовать согласованно. Но в целом каждый выстраивал свою стратегию взаимоотношений с властью, с профессиональным сообществом и всей социальной средой. И обе стратегии оказались оправданными, ибо позволили им не только прожить долгую жизнь свободными, но и стать теми, кем они стали в своей стране.

Наука и культура для больших властителей – вещи не очень понятные и иногда подозрительные. Два рассмотренных нами примера показывают, что высокий профессионализм и непререкаемая нравственная репутация часто заставляют власти считаться с такими людьми. Как бы хотелось, чтобы такие люди появлялись в нашем отечестве как можно чаще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вернадский, В. И.** Дневники : Март 1921 – август 1925 [Текст] / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1999. – С. 48.

2. **Вернадский, В. И.** Записка об ученых трудах профессора Таврического университета В. А. Обручева [Текст] / В. И. Вернадский, А. П. Карпинский, А. Е. Ферсман // Изв. РАН. Сер. 6–15. – 1921. – № 1/18.

3. **Вернадский, В. И.** Очерки и речи. Вып. 1, 2 [Текст] / В. И. Вернадский. – Петроград, 1922.

4. **Вернадский, В. И.** Очерки геохимии [Текст] / В. И. Вернадский. – Труды по геохимии. – М. : Наука, 1994. – С. 196, 199.

5. **Книга Памяти.** Борис Леонидович Личков [Электронный ресурс] // G-to-G. Словарь-справочник недропользователя. Сост. С. Р. Тихомирова, А. Д. Ананченко – Точка доступа <http://www.g-to-g.com/?version=rus&module=8&id=1343>

6. **Лапо, А. В.** В. И. Вернадский и ГЕОЛКОМ – ЦНИГРИ – ВСЕГЕИ [Текст] / А. В. Лапо // Региональная геология и металлогения. – 2013. – № 55. – С. 111–120.

7. **Обручев, В. А.** Воспоминания о втором московском периоде (1921–1929 гг.) [Текст] / В. А. Обручев // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 12. / Отв. ред. В. В. Тихомиров. – М., 1963. – С. 21–35.

8. **Перченко, Ф. Ф.** «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке [Текст] / Ф. Ф. Перченко // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. – М. : Наука, 1995. – С. 201–235.

9. **Свиньин, В. Ф.** Геологи в Атомном проекте СССР [Текст] / В. Ф. Свиньин // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Сибири. – 2010. – Ч. 1. – № 1 ; ч. 2. – № 2.

10. **Свиньин, В. Ф.** Сталинские премии геологам. Ч. I. Наука о земле сибирской [Текст] / В. Ф. Свиньин // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Сибири. – 2012. – № 3. – С. 95–106.

11. **Свиньин, В. Ф.** Сталинские премии геологам. Ч. II. Открытия в земле Сибирской. Первостепенное золото [Текст] / В. Ф. Свиньин // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Сибири. – 2013. – № 1. – С. 100–111.

© В. Ф. Свиньин, 2014